

ВОСТОК-ЗАПАД, СЕВЕР-ЮГ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ РОМАНТИКОВ

Н. М. Шахназарян

Белорусский государственный университет, филологический факультет, ул. К. Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь
e-mail: bastet575592@gmail.com

В статье рассматривается отношение английских и русских романтиков к культурной парадигме Восток-Запад, Юг-Север, связанное с философскими, религиозными, этическими, эстетическими и политическими аспектами их мировоззрения.

Ключевые слова: инокультура, иномир, Север, Юг, Запад, Восток, культурологический контекст, культурный мир, английский романтизм, русский романтизм.

WEST-EAST, NORTH-SOUTH IN ENGLISH AND RUSSIAN ROMANTICISM SYSTEM OF CULTURAL VALUES

N. M. Shakhnazaryan

Belarusian State University, Philological Department,
K. Marx st. 31, 220030, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: bastet575592@gmail.com

The article considers the English and Russian Romanticism poets' relation to the cultural paradigm of West-East, North-South, connected with their philosophical, religious, ethical, aesthetic and political views.

Key words: foreign culture, foreign world, North, South, West, East, cultural context, cultural world, English Romanticism, Russian Romanticism.

В эпоху романтизма оппозиция север – юг, запад – восток приобретает универсальное значение и углубляется в связи с новыми реалиями, связанными с концепцией мировой истории и мировой литературы. Актуализация горизонтальной парадигмы ценностей в культурологическом контексте истории европейской цивилизации происходит в эпоху Возрождения в связи с поворотными открытиями во всех сферах сознания (философия, искусство, наука, религия) и практики (прежде всего кругосветные путешествия, колониальная политика), тогда как в средние века доминирующей была вертикальная парадигма (небесная божественная идеальная и земная человеческая греховная сфера бытия). Воплощение данной парадигмы в творчестве романтиков приобретает разные формы в зависи-

мости от мировоззренческой картины мира автора, представляющего ту или иную национальную культуру, но вместе с тем отличается общностью в нравственно-философской, политической и эстетической оценке пространственно противопоставленных друг другу культурных миров.

В английском романтизме можно выделить разные подходы к инокультурным мирам: концепцию экстраполяции политических и религиозных ценностей христианского Запада на весь остальной мир (Р. Саути), взаимодействия национальных особенностей культуры разных народов в рамках концепции социального прогресса в мировой истории (В. Скотт, Д. Г. Байрон), идею объединяющей человечество философии поэтического слова (С. Т. Колридж), художественного перевода как универсального посредника между носителями разных национальных языков и традиций (Дж. Борроу) и др.

Несмотря на политическую изнанку последствий колониальной политики Британской империи, интенсивный и разнообразный интерес английских романтиков к изучению культуры народов восточных стран (в широком смысле слова – от Ближнего Востока до Юго-Восточной Азии), Северной и Латинской Америки приводит к появлению шедевров искусства и закладывает основы плодотворного межкультурного взаимодействия. «В избирательном подходе к восточной теме не только просветителей, но предромантиков и романтиков ярко проявился творческий характер взаимосвязей и взаимовлияний литератур мира...» [8].

Наибольший вклад в поэтическое и историографическое открытие национальных культур народов мира в английском романтизме внес Р. Саути (R. Southey, 1774–1843). В самом начале творческого пути («бристольский» период, 1794–1796) вместе со своим другом и единомышленником на тот момент С. Т. Колриджем (S. T. Coleridge, 1772–1834) Саути, будучи разочарованным в результатах Французской революции, строит планы о построении идеальной республики «Пантисократия» в Северной Америке, ассоциирующейся с местом более прогрессивных перспектив в развитии европейского общества («Новый Свет») в сравнении с Западной Европой («Старый Свет»). Подобные устремления отличали многих прогрессивных деятелей европейской общественности (англичанин Т. Пейн – соавтор текста демократической конституции Соединенных Американских Штатов и революционной Франции; Тадеуш Костюшко, белорусско-польский деятель, принявший непосредственное участие в войне за незави-

симось Штатов от Британской метрополии). Оставшись в Британии и получив официальное звание поэта-лауреата, Саути создает поэмы, отражающие его неизменный интерес к инокультурам, проявившийся еще в школьные годы. В предисловии к изданию писем другу – Чарльзу Батлеру, он объясняет этот интерес желанием изобразить в описательных поэмах («narrative poem») мифы и религии из истории разных народов. В исторических поэмах Саути в наибольшей степени выразил мировоззренческие взгляды на поэзию, религию, нравственную природу человека и общества, современную политику. Свою исключительную эрудицию в сфере истории и этнографии Саути проявляет как в поэтических («Сказание о Парагвае» (The Tale of Paraguay, 1825)), так и в прозаических произведениях – «Истории Бразилии» («History of Brazil»), правительство которой в середине XX в. в знак благодарности за первую историографию своей страны восстановит надгробие поэта на кладбище в Кесвике.

Если исторические романы Вальтера Скотта называли «Колумбовым открытием» истории европейских стран (от Шотландии до Византии) со времен зрелого средневековья («Айвенго») до начала Нового времени («Пуритане»), то исторические поэмы Саути стали открытием культурных миров народов от Северной и Южной Америки («Мэдок»/Madoc, 1799–1805) до арабских стран («Талаба-разрушитель»/Thalaba the Destroyer, 1801) и Индии («Проклятие Кехамы»/The Curse of Kehama, 1810) как самостоятельных, уникальных иномиров, изображенных и осмысленных приверженцем европейского христианского мировоззрения.

Так, поэма «Талаба-разрушитель», состоящая из 12 книг, наполнена глубокой философско-религиозной проблематикой, связанной с сопоставлением христианской и мусульманской религии в контексте исторической оппозиции политеизма и монотеизма. Историю Магомета, по собственному признанию Саути, он прочитал в арабском источнике (Рабадан, поэма Мориско). Главный герой Талаба представлен Саути как провозвестник новой монотеистической религии на Востоке – ислама, утвержденного в борьбе против политеистического язычества (Аллодин, огнепоклонники). Поэма является ярким примером плодотворного философско-религиозного и художественного синтеза культурных миров христианского Запада и мусульманского Востока, эстетики романтической поэмы и восточной сказки. Живописные образы, яркие метафоры, виртуозный ритм повествования вобрали в себя как экзотическую красочность араб-

ских сказок из «Тысячи и одной ночи», так и возвышенную фантазию романтического мировидения, основанного на принципах философско-этического двоемирия и синтеза жанров и искусств. Однако в поэме присутствует не только «моральный свет Корана» эпохи пророка Мухаммеда, но и «дух восточного деспотизма».

Свою лучшую, по собственному утверждению, поэму «Мэдок» Саути посвящает истории распространения христианства в Северной Америке. Несмотря на успех издания поэмы в Америке, в 1815 г. появился памфлет с обвинением Саути в «попытке принизить честь Америки и репутацию Колумба», предложившего образ некоего уэльского принца Мэдока как первооткрывателя «Нового Мира». Согласно предисловию Саути к первому изданию поэмы (1805) Мэдок, будучи сыном короля Северного Уэльса Оуэна Гвинеса (1169), покидает свою варварскую страну, не желая участвовать в соперничестве братьев, борющихся за престол, переплывает океан на Запад в поисках более спокойного места. Под влиянием Мэдока ацтеки находят свою родину Азтлан, основывают мексиканскую империю, называют себя мексиканцами в честь своего тотемного бога-покровителя Мекситли.

Главного героя поэмы «Мэдок» Саути сравнивал с Ринальдо из «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, а эпическую целостность поэмы с античной традицией Гомера. Но, если у Гомера вторая поэма («Одиссея») повествует о возвращении на родину в Итаку к мирной жизни после Троянской войны на чужбине («Илиада»), то у Саути в первой части («Мэдок в Уэльсе») рассказывается о распрях на родине и отъезде героя, а во второй части («Мэдок в Азтлане») показано участие Мэдока в создании новой страны и веры на чужбине.

Если «Мэдок» представляет силу «самой замечательной религии Нового Света» [3] – христианства, то в поэме «Восстание Кехама» поэт решил описать мифы индийской религии. Главный герой Кехамы, восставший против деспотической воли Аравалана, назван «сыном света», «сыном небес». Поэме предпослан список персонифицированных героев брахмианской триады – Брахма, Вишну и Шива. Саути негативно оценивает индуизм («фальшивая религия», со «страшными» сюжетами и «фатальным» исходом) по причине отсутствия личной ответственности человека за нравственный выбор. Образы многоруких и многоголовых фигур брахмианской мифологии, будучи персонификациями всевластия или всеведения, лишены, по его мнению, поэтичности и живописности.

Восток, как огромный, непознанный, отстающий в развитии от цивилизованного Запада мир, в определенной степени соотносился для английских романтиков и с Россией. У Байрона акцентируется внимание на бесправии в условиях деспотического правления («Дон Жуан»/Don Juan, 1823), Колридж подчеркивает отсутствие в крепостнической стране равных прав в области образования («Застольные беседы»/Table Talk, 1832) [2]. В то же время Джордж Борроу – первый переводчик стихотворений А. С. Пушкина («Талисман» и песня Земфировы из поэмы «Цыгане») – во время своей переводческой деятельности в Санкт-Петербурге отмечал превосходство архитектурной красоты столицы России по сравнению с Мадридом, Лондоном и Парижем [5]. Мэри Шелли начинает и завершает свой роман «Франкенштейн» сценами в Архангельске, в котором дерзкий замысел мореплавателя, рожденный и подготовленный влиянием западных теорий о сверхчеловеческих свершениях, ждет своего воплощения перед походом к Северному полюсу. Здесь же после встречи с Франкенштейном и его катастрофической исповеди герой отказывается от своего горделивого плана возвышения над законами природы и человека.

В историческом контексте Россия неоднократно совершала опыт воплощения в жизнь западных теорий, приводивший к тем или иным результатам с точки зрения культурного приращения или утраты. В частности, в восприятии Саути именно Россия внесла переломный вклад в окончание пятнадцатилетней эпохи наполеоновских войн в Европе. Тему русского героизма в годы Отечественной войны 1812 г. он выразил в «Марше на Москву» (The March to Moscow, 1813). Контраст холода и жары подвергается инверсии («Слишком холодно было ему на дороге, / Слишком жарко в Москве»). Традиционно воспринимаемая в сознании западных стран Россия как холодная и снежная, инертная и отсталая страна соотносится с огнем пожара в Москве, который надолго в восприятии писателей западноевропейской литературы (Стендаль) становится символом героического патриотизма, несокрушимой воли и отваги, самоотречения и независимости. Иронично названная «летняя экскурсия в Москву» («What a pleasant excursion to Moscow!») потерпела поражение уже осенью. Саути перечисляет с восторгом боевой список имен русских генералов, подбирая подходящий по смыслу глагольный аналог из английского языка к корню русской фамилии. Оригинальный прием остроумной игры в этимологию фамилии превращается в способ единения двух далеких стран, противоположных

друг другу по многим позициям в политике, экономике, конфессиональной принадлежности, но объединенных необходимостью сопротивления: для России – захватчику, для Британии – ниспровергателю устоявшегося в Европе консервативного порядка. Восхищенный образ Петрополиса (петровский вариант названия столицы) можно увидеть в посвящении Саути Александру I.

Как видно, в культурной парадигме Саути север и юг, запад и восток включены в мировую картину единой истории человечества, в основе которой романтики видели «историю души человеческой», находящей воплощение в бесконечных вариациях национальных культур, составляющих универсальную, основанную на общечеловеческих этических константах мировую культуру. Подобно тому, как Вальтер Скотт в историческом романе, Саути в исторической поэме объединил принцип историзма с полетом воображения, создав уникальные самобытные инокультурные миры разных народов от Южной и Северной Америки, арабского Востока, юга Европы до России, Китая, Индии. При этом, как и Скотт, в оценках этических основ и исторических перспектив инокультур он исходил из мировоззренческих основ христианской западноевропейской культуры и поступательного прогресса. Всю свою жизнь Саути прожил в Англии, последние 30 лет в г. Кесвике Озерного края, который являлся неизменным центром философско-этического мировидения, олицетворением любви к родине, неизменной духовной опорой.

В отличие от Саути Колридж осмысляет инокультуры в контексте своей идеалистической «теории органического единства», особое значение в которой имеет философия слова. Восточные культуры привлекают его иероглифическим тождеством образа и знака, видения и материальной визуализации идеального образа. Данная особенность мироощущения была созвучна его концепции символа как прозрачного и подвижного тождества идеально-го и реального смысла явления. Так, образное описание способов поэтического мышления (посредством ощущения (sense), рассудка (understanding), фантазии (fancy) и воображения (imagination)) Колридж представляет в сонете под названием «Нубийская фантазия», имея в виду древнюю страну Нубию, расположенную между Египтом и Абиссинией (территория Судана в наше время), которая упомянута и в «Кубле Хана» (Абиссинская дева, поющая на горе Аборе). «Кубла Хан» Колриджа вошел в историю мировой литературы как откровение о таинстве творческого процесса. Толчком к виде-

нию поэта, увидевшего и сотворившего во сне дворец китайского императора Хубилая, является история самого правителя, велевшего построить дворец по образу, увиденному им во сне. В поэме дан творящий образ автора (визионера, рассказчика и героя – посредника между реальным и воображаемым миром), восходящий к диалогу Платона «Кратил». Колридж объединяет идеи платонизма и буддизма в создании образа-символа, реинкарнирующего сквозь время и отражающего вечность. С Египтом он связывает и символ бесконечного движения человеческого духа по спирали (образ змеи). Колридж соотносит с Востоком (в широком смысле слова) универсальный способ философско-поэтического мышления и творчества.

С югом в поэзии Колриджа прежде всего ассоциируется Италия – родина античного Рима и ренессансной Флоренции. Образ Италии в творчестве английских романтиков приобретает особое значение. Для Байрона и Шелли она становится второй родиной, значение которой продолжится в судьбах английских поэтов последующих эпох (Р. Браунинг, Д. Г. Лоуренс, Р. Олдингтон и др.).

В стихотворении «Сад Боккаччо» (The Garden of Boccaccio, 1828), рассказывая об истории становления своей «философской поэзии» или «поэтической философии», Колридж называет толчком к «полету воображения» рисунок сада Боккаччо на письменном столе. Поэт в воображении преодолевает границы пространства и времени, объединяет прошлое и настоящее в одно целое благодаря вечной силе поэзии. Флоренция описана как прообраз Эдема («О Флоренция!.../ Ты – ярчайшая звезда в созвездии блистательной Италии! /.../ И Природа создает свой счастливый дом в гармонии с человеком») [1].

В творчестве Байрона, в отличие от Саути и Колриджа, отчетливо прочерчивается социально-политическая оппозиция север – юг, повлиявшая на аналогичную антитезу в поэзии русских романтиков в несколько иной интерпретации. Внутри этой оппозиции можно выделить собственно европейскую антитезу: расчетливый холодный север (Англия) и страстный горячий юг (Испания, Италия) Европы и антитезу свободный север (Европа) и рабский юг (Азия). Байрон осуждает вывоз английскими аристократами шедевров древнегреческой культуры из поработенной Османской империей Греции («Проклятие Минервы»), восхищается героизмом испанского сопротивления наполеоновской оккупации (1 песнь поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда»), участвует в национально-освободительной борьбе Италии и Греции. В то же время в «восточных

поэмах» («Гяур», «Корсар») «байронический» герой (Гяур, Конрад), выражающий высшее право человека на свободу, сражается против восточного деспотизма (поединок Гяура с Гасаном, убившего Леилу, сражение Конрада с пашой Сеидом). Если в «Чайльд-Гарольде» испанка (южанка) противопоставляется англичанке (северянке) как олицетворение страсти и отваги в отличие от холодности и фальши, то в «восточных поэмах» южанка Гюльнар, наложница паши, в страстном порыве к свободе убившая своего господина, противопоставлена возлюбленной Конрада Медоре, олицетворяющей христианское самоотречение и верность в любви как свободном даре, исключаящем ненависть и преступление [4].

Байроновская парадигма ценностей относительно оппозиции север – юг оказала значительное влияние на русских поэтов. Так, для А. С. Пушкина оппозиция Италия – Россия, как и для Байрона, является «словесно-смысловым инвариантом север – юг» [14], который ассоциируется с образом свободы. Таврида (Крым), Одесса (южная ссылка), Молдавия связаны с ярким миром «природного изобилия и простоты жизни». Своеобразная инверсия антитезы север – юг происходит в стихотворении «К Овидию». Бессарабия, будучи югом для Пушкина, для Овидия была северной окраиной Римской империи («пустыней мрачной»), холодным и безрадостным местом изгнания поэта. Крымские образы южного пейзажа – солнечные (стихотворение «Кто видел край»), молдавские зарисовки – туманные, однако постепенно сквозь сочувственный Овидию печальный образ «северной» Бессарабии проступает теплый образ «южной» для Пушкина стороны (именно здесь рождается замысел романа «Евгений Онегин»). Таким образом, «...поэт сумел раскрыть топос Юга в топосе Севера» [15].

Иначе переосмысляет антитезу север – юг М. Ю. Лермонтов, в поэзии которого отчетливо звучит диалог с Пушкиным. В частности, мотив дорогой сердцу родной стороны, связанной с севером, в стихотворениях «Тучки небесные, вечные странники!» («Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники, С милого севера в сторону южную»), «Спеша на север издалека» («Из теплых и чужих сторон») [11], восходит к строчкам из «Талисмана» Пушкина («И тебя на лоно друга, / От печальных чуждых стран, / В край родной на север с юга/ Не умчит мой талисман») [13]. В то же время, умея психологически глубоко и точно выражать драматизм жизни, исходящий из пересечения точек зрения разных героев, стран и культур, Лермонтов создает образ Севера (России) как источника военной угрозы и мощи («Там на севере в тумане

что-то видно, брат») слабому инертному югу (Кавказу) («Не боюсь я Востока! – отвечал Казбек. / Род людской там спит глубоко / Уж девятый век») в стихотворении «Спор». Беседа двух величественных гор – Эльбруса и Казбека, олицетворяющих красоту древней природы Кавказа, подчеркивает мудрость и фатализм восточного мироощущения, принятие неизбежности истории. Таковую же неизбежность исполнения воинского долга несет в себе «генерал седой», ведущий победоносные войска с севера на юг. В условиях войны севера и юга Лермонтов провидит мир и единение народов в России, культуре каждого из которых свойственны способность дружить («он был кунак мой» («Валерик»)), любить («Бэла»), сострадать («Сон»).

Инверсия культурологических топосов север – юг, запад – восток происходит в истории Англии и России неоднократно. Запад для англичан (Северная Америка) оказывается, с одной стороны, местом расширения европейской цивилизации (колониальная политика XVI в.), побега в лучшую жизнь (первые поселенцы США в XVII в., построение «Нового Света» в XVIII в.), мифологическим раем Эльдорадо, но, с другой стороны, местом жестокой расправы с местным населением, работорговли, принудительного изгнания для неудобных. Для России пространство Запада удваивается за счет Западной Европы, с культурой которой связаны самые тесные взаимодействия и противоречия. Восток также, с одной стороны, притягивает как мир древней философии и культуры (буддизм, индуизм, конфуцианство, даосизм), но, с другой стороны, отталкивает деспотической формой государственного устройства и нравами. Известно, что Пушкин, отличавшийся «всемирной отзывчивостью» и высочайшей эрудицией, не имел возможности выезжать за пределы России ни на Запад (в Европу), ни на Восток (первая китайская экспедиция Шиллинга, в которой он хотел участвовать). Известно, что на «южную» ссылку в 1820 г. (Кавказ и Крым) был заменен план его отправки на север (Соловки или Сибирь). Сибирский Север после разгрома восстания декабристов становится и местом изгнания и символом изгнанной свободы («Из глубины сибирских руд»).

Подобно Саути П. А. Вяземский (1792–1878) подчеркивает роль России в спасении просвещенной Европы от разрушительных последствий наполеоновских войн, используя антитезу север – юг («На Юге меркнул день – у нас он расцветал.... Убежищем ему был Север») [7]. У Ф. Тютчева холод Северной столицы означает политический застой после восстания декабристов. В поэме Ф. Н. Глинки (1786–1880) «Дева

карельских лесов» (1839) открывается бескрайнее пространство «печального края изгнания» («Друзья! Я видел Север дальний, / ... край изгнания, край печальный / За коим больше нет земли») [9]. «Тема непреклонного Севера проходит через всю русскую поэзию и органично перетекает из XVIII–XIX веков в XX век» [10]. Так, О. Мандельштам в стихотворении «За гремучую доблесть грядущих веков» связывает образ Севера с ясным, чистым мироощущением, противоположным безумию кровавых событий в столице («Уведи меня в ночь, где течет Енисей / И сосна до звезды достает») [12]. Согласно романтической традиции преступный день (покрывало лжи) противопоставлен праведной ночи (откровению истины), земной мир (сосна) объят небесным (звезда). В данных образах отчетливо звучит лермонтовский мотив одиночества («На севере диком стоит одиноко сосна») и вселенского единства («звезда с звездой говорит» («Выхожу один я на дорогу»)). Север перестает быть холодным, став пристанищем полнокровной жизни в противоположность шабашу смерти в «век волкодава» («жаркая шуба сибирских степей»).

Оригинальное продолжение осмысления оппозиции север – юг можно увидеть в «Белом безмолвии» В. Высоцкого (1938–1980) («Почему ж эти птицы на север летят, / Если птицам положено только на юг?»). В данном случае теплоте, тесноте и фальшивому миру «юга» противопоставляется суровый («Север, воля, надежда. Страна без границ. / Снег без грязи – как долгая жизнь без вранья»). С одной стороны, с севером связана идея свободы, неподдельности, отваги человека, с другой – мучительное состояние безмолвия, беззвучия, однообразия жизни («белые сны, все другие оттенки снега занесли»), и далее героического стоицизма в ожидании полноценной жизни как воздаяния за долгие годы молчания и одиночества («наше горло отпустит молчание»), как «награда за ночи отчаянья». Таким образом, север представлен как надежда на освобождение скованной, но устремленной к свободному полету души. Упование на «вечный Полярный день» сродни ожиданию восхода «звезды пленительного счастья» Пушкина («И найдут они счастье птичье / Как награду за дерзкий полет»). В стихотворении просматриваются гармонические ряды сопряженных с оппозицией юг – север антитез: «тепло» – «мороз, вьюга»; «жило, спалось» – «выгнало по высокой волне»; «грязь» – «снег»; «вранье» – «долгая жизнь»; «воронье» – «не водится воронья». В то же время северу как плену-испытанию («под крыльями... лед», «белые сны», «ослепли от такой белизны»,

«молчание», «слабость», «тень», «ночи отчаянья», «дурные пророчества», «одиночество») противопоставлен север как путь к свободе-воздаянию («полет», «иные оттенки», прозрение «от черной полосы земли», «должен встретиться кто-нибудь») [6]. Усложненная семантика образа вырастает из особого типа многополюсного драматизма, который отличал поэзию Лермонтова, истоки которого восходят к шекспировскому типу художественного мышления. Лермонтовская формула единого небесного купола для мирной жизни человечества на земле («небо ясно / Под небом места хватит всем» («Валерик»)) осознается как романтическое завещание нераздельного на части света общекультурного пространства, отвечающего божественным законам бытия.

В английской поэзии XX в. универсальную формулу полноты бытия, отличающую глобальное сознание современного человека «без границ», связанную с личной темой всепоглощающей любви и болью ее утраты, можно увидеть в стихотворении У. Х. Одена (W. H. Auden, 1907–1973) «Похоронный блюз» (Funeral Blues): «Он был мой Север, Юг, мой Запад, мой Восток, /.../ Любви, считал я, нет конца. Я был не прав» (пер. И. Бродского).

Стороны света в поэтическом мышлении авторов связывались с разными культурологическими концептами в зависимости от физических и метафизических реалий исторической эпохи, мироощущения и биографии автора. Обобщенные мифологемы древнего мира с течением развития цивилизации разных народов, географических открытий постепенно сменялись более детальным и конкретным описанием стран, а в контексте концепции мировой истории и культуры аксиологическая оценка противоположных миров разных сторон света приобретала общечеловеческий гуманистический характер.

Литература

1. Coleridge, S. T. The Poetical Works of S.T. Coleridge including poems and versions of poems published for the 1-st time / Ed. with textual & bibliographical notes by E.H. Coleridge. In 2 vols / S. T. Coleridge. – Oxford: Oxford University Press, 1912. – 300 p.
2. Coleridge, S. T. Table Talk and Omniana / S. T. Coleridge. – Oxford: Oxford University Press, 1917. – 306 p.
3. Southey, R. The Poetical Works Collected by Himself. In 10 Vols. In 5 Books / R. Southey – Facsimile. – NY: Gordian Press, 1965. – 439 p.

4. Байрон, Д. Г. Собрание сочинений: в 4-х томах / Д. Г. Байрон. – М.: Правда, 1981. – 607 с.
5. Борроу, Дж. Лавенгро. Мастер слов, цыган, священник / Дж. Борроу. – Л.: Худ. лит., 1967. – 664 с.
6. Высоцкий, В. Собрание сочинений в одном томе / В. Высоцкий. – М.: Эксмо, 2018. – 992 с.
7. Вяземский, П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / П. А. Вяземский. – М.: Правда, 1988. – 480 с.
8. Глинка, Ф. Сочинения / Ф. Глинка. – М.: Советская Россия, 1986. – 350 с.
9. Гейзер, А. Р. Восточная тема в английской литературе XVIII в.: автореф. дис...на соиск. канд. фил. наук / А.Р. Гейзер. – Л., 1984. – 27 с.
10. Гордин, Я. Паломничество в Страну Севера. Север в русской поэзии как историческое и метафизическое зеркало / Я. Гордин. – Звезда – 2018. – № 7. – С. 23–40.
11. Лермонтов, М. Ю. Стихотворения / М. Ю. Лермонтов. – М.: Эксмо, 2008. – 416 с.
12. Мандельштам, О. Собрание стихотворений / О. Мандельштам. – М.: Б.С.Г.-Пресс, Рутения, 2017. – 560 с.
13. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977–1979. – Т. 1–10. Т. 2.
14. Таборисская, Е. М. Италия в поэзии Пушкина / Е. М. Таборисская // Русская литература: Историко-литературный журнал / РАН, Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). – 2004. – № 2. – С. 30–50.
15. Фаритов, В. Т. Философские аспекты пространства и времени в творчестве А.С. Пушкина / В. Т. Фаритов // Litera. – 2015. – № 1. – С. 1–30.

АСАБЛІВАСЦІ ВЫКАРЫСТАННЯ БАЛАДНАГА СТЫЛЮ Ў ПАЭЗІІ У. Б. ЕЙТСА

М. Ю. Шода

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
факультэт сацыякультурных камунікацый,
вул. Курчатава, 5, 220030, Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: marshoda@gmail.com

У артыкуле вылучаюцца рысы баладнага стылю і аналізуюцца асаблівасці яго выкарыстання ў паэзіі Уільяма Батлера Ейтса на працягу яго творчага жыцця. Значная ўвага надаецца ліра-эпічнай сінкрэтычнасці, станаўленню лірызацыі і «рэфлектыўнасці» ў літаратурных баладах, таксама разглядаецца роля рэфрэна.

Ключавыя словы: літаратурная балада, баладны стыль, сімвалізм, ліра-эпічная сінкрэтычнасць, рэфрэн, баладная структура.